

MINI.CITID

УРОКИ ПОСЛЕДНЕГО ЕВРАЗИЙЦА

Елена БРУСИЛОВСКАЯ, лауреат премии Союза журналистов Казахстана

Ушла из жизни Татьяна Фроловская. Она удивительным образом сумела соединить в себе любовь к поэзии с талантом переводчика и исследовательским даром ученого. Ее книга «Евразийский Лев» о Льве Гумилеве известна далеко за пределами Казахстана, как и «Пушкинский календарь», который был признан лучшим зарубежным изданием к 200-летию поэта. Благодаря ей на русском языке зазвучали стихи Махамбета, Фаризы Унгарсыновой и других казахских поэтов. А еще Фроловская была прекрасным знатоком творчества Бориса Пастернака, покорившего ее музыкальной ритмикой своей поэзии. Но Татьяна Леонидовна не только изучала чужое творчество, она сама была талантливым, самобытным поэтом, свидетельством тому четыре ее поэтических сборника: «Дни календаря», «Зимнее воскресенье», «Корзина земляники» и «Семейные предания». В моем журналистском архиве сохранилась беседа с Татьяной Фроловской, где она рассказывала о своей любви к великому евразийцу Льву Гумилеву. Сегодня мне хочется не только отдать дань памяти этой мудрой женщине, но и предоставить возможность читателям журнала через нее прикоснуться к вечным человеческим ценностям.

ГУМИЛЕВ – ЭТО МОЯ ЛЮБОВЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

– Татьяна Леонидовна, как в вашей творческой судьбе возник Лев Гумилев? Ваша книга «Евразийский Лев», на мой взгляд, не просто серьезное исследование научных идей Гумилева, это скорее философское эссе, но написанное, как мне представляется, с позиции поэта.

– Гумилев – это была любовь, которая меня окрылила. Я считаю, что до сих пор он не оценен полностью. Что же касается моей книги, то эта моя вторая исследовательская работа после Пастернака, она выдержала уже четыре переиздания.

В свое время я старалась слушать лекции Льва Гумилева где только возможно. Сначала они мне казались не то чтобы непривычными, а скорее слишком научными. Пришлось засесть за евразийских авторов и чуть ли не бросить литературоведение в пользу истории. Материалы накапливались, а что с ними делать, я не знала. Когда указом Первого Президента Нурсултана Назарбаева в 1996 году был открыт Евразийский национальный университет имени Льва Гумилева, я засела

за книгу «Евразийский Лев». Мне кажется, что, если сегодня мы не возьмемся за серьезное изучение трудов Гумилева и евразийцев, можем утратить львиную долю своей истории.

– Жизнь Льва Гумилева – это готовый сюжет для романа. С юных лет судьба словно испытывала его на прочность – трагическая гибель отца, талантливого поэта Николая Гумилева, сложные отношения с матерью, великой Анной Ахматовой, а главное – 13 лет лагерей. Как он сам потом говорил, «отсидел за папу и маму». Все это способно сломать самую сильную личность, но Гумилев не сломался и не озлобился. Что, по-вашему, давало ему силы не только жить, но и работать даже в сталинских застенках?

– Ему действительно многое пришлось пережить. Сиротское детство, судьба гонимого «лишенца», жизнь без собственного крова, аресты, тюрьмы, ссылки, фронтовые дороги, а после войны, после защиты кандидатской диссертации – вновь лагеря без предъявления обвинения.

Однажды Гумилев произнес горькие слова: «Я не имею претензий к властям – ученые сажали ученых». Он вышел на свободу, когда ему пошел пятый десяток, написав в лагере две книги: «Хунну в Китае» и «Древние тюрки». При этом понятно, что лагерные власти не создавали ему условия для занятий наукой. Но и в фуфайке зека Гумилев оставался исследователем. Кстати сказать, его первая «лагерная» монография была написана на грубой оберточной бумаге, в которую паковали пайковую рыбу на весь барак.

Первую книгу «Хунну в Китае» он представил на соискание степени доктора исторических наук. Когда ее сняли с защиты, у него оказалась вторая написанная докторская диссертация – «Древние тюрки» на 700 страниц! Этому не могли не завидовать «оскучники науки». Совершенно понятно, что за счет внутренней энергии он уцелел в лагере и победил на ученом совете. В отличие от него все-таки слаб человек даже в академической шапочке...

Примечательно, что, когда на обсуждении книги Олжаса Сулейменова «Аз и Я» Гумилев выступил с защитным словом, все академики представительного собрания постановили: «отлучить» Гумилева от академических изданий как ослушника, отказавшегося сделать достойный разнос Олжасу, покусившемуся на основы традиционной советской истории и лингвистики.

– Действительно, у Льва Николаевича были сложные отношения с научной общественностью. Все его работы принимались в штыки, в

лучшем случае они подвергались жесткой критике, в худшем – просто высмеивались. Чем Гумилев был неугоден советской науке?

– 14 лет, с 1975 по 1989 год, Гумилев печатался только в журналах «Юный натуралист» и «Декоративное искусство». Выпустил небольшую книгу про бурятскую живопись с Буддой на обложке и получил выговор за богоискательство и богостроительство. Но уже после 1989 года книги пошли рядами. Доктор юридических наук Анатолий Лукьянов (в 1987–1988 годах он занимал пост секретаря ЦК КПСС, в 1988–1989 годах был кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, в 1990–1991 годах – председатель Верховного Совета СССР) хорошо знал Гумилева, читал его работы в рукописи и принимал активное участие в изданиях его книг: «Этногенез и биосфера Земли» (1989), «Поиски вымышленного царства» (1997), «Тысячелетие вокруг Каспия» (1998), «Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению» (2001), «Открытие Хазарии» (2001), «Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации» (2003), «От Руси к России» (2004).

А были еще книги, написанные в соавторстве, а также переиздания ранее выпущенных работ. Но никто не помог бы Гумилеву, если бы все эти книги в период академической опалы не были им написаны. Только благодаря жизнестойкости и целеустремленности Лев Николаевич преодолел противодействие остепененных бездарников и завистников.

Он всегда, в любых жизненных условиях был поразительно работоспособен. Достаточно сказать, что три с половиной последних десятилетия его «свободной» жизни, с одной стороны, были наполнены исключительно напряженной умственной деятельностью – сотни и сотни прочитанных книг, поразительные по пронизательным суждениям о прошлом и блистательные по мастерству изложения статьи и монографии. А с другой – все это создавалось на фоне беспримерной травли, слава богу, не лишившей его свободы, но пытавшейся исказить, обокрасть, выставить неучем и самозванцем. И свобода здесь, конечно, понятие условное – ведь за эти годы он не выезжал за рубеж, хотя его и приглашали читать лекции, выступать на конференциях.

– Он был невыездным, как тогда говорили.

– Естественно, а кроме того, Лев Николаевич боялся остаться без родной почвы: бывший лишенец, он не хотел потерять единственно нужного ему гражданства, тем более что примеров тому было предостаточно.

– Татьяна Леонидовна, вы сказали, что в лагере Гумилев писал свои научные монографии на оберточной бумаге. Интересно, эти записи сохранились?

– Да, эти листки грубой шершавой гофрированной бумаги от коробок из-под рыбы сохранились. Лев Николаевич писал на них мелким-мелким почерком. Помните, была такая советская песня: «А ты пиши мне письма мелким почерком, так как места мало в рюкзаке»? Видимо, к лагерной жизни это тоже подходит. Как я уже сказала, на тех гофрированных картонках были записаны первые солидные книги Гумилева – «Хунну в Китае» и «Древние тюрки». Так ученый, блистательно вошедший в науку «Политической историей первого тюркского каганата», через десятилетие «Древними тюрками» открывал новую эру в науке и в собственной судьбе.

Омский лагерь Гумилев покидал с двумя самодельными дощатыми чемоданами, набитыми книгами. Тогда он был больше всего озабочен тем, чтобы эти лагерные рукописи не остались памятником упорству одинокого зека, чтобы оказаться достойным собственного подвига в карагандинском и омском лагерях, где его называли «Се – гений!» и приносили ему любой мало-мальски годящийся в дело клочок бумаги.

– При этом Гумилев никогда не сетовал на судьбу.

– Вы правы, несмотря на все удары этой самой судьбы, он оставался ученым и человеком с большой буквы. Впрочем, такова была судьба всех его предшественников-евразийцев: они были не ко двору ни Западу, ни большевикам. Это прежде всего Петр Николаевич Савицкий, Николай Сергеевич Трубецкой и Георгий Владимирович Вернадский, философско-интеллектуальные судьбы которых – трагическая история мировой цивилизации.

– Вот уж поистине – нет пророка в своем Отечестве. Мир советской науки активно противился взглядам Льва Гумилева, потому что они были настолько революционны, что ломали старые стереотипы, заставляя по-новому взглянуть на историю, особенно древнюю и средних веков. И теперь в ином ракурсе предстают перед нами личности того же Чингисхана или Тамерлана. Гумилев разрушил миф, трактующий отношения между Древней Русью и Великой степью как иго. В его понимании это было нечто совершенно иное.

– Знаете, когда я прочла книгу Льва Гумилева «Поиски вымышленного царства», меня развеселила та экзотика, которая опровергала прежние представления и ставила с ног на голову известные мне отношения Руси

и монголов. Причем такое отношение продолжало нагнетаться другими книгами о том же времени. Даже когда я стала слушать лекции Гумилева, не сразу переломилось мое сознание в сторону обоснованного пересмотра старых истин. Мы смотрели на монгольскую Азию, живя в ней, как на нечто одноцветно-вражеское, не детализируя нюансов.

У Гумилева завоеватель Чингисхан – любимый исторический деятель, наравне с Александром Невским, а про Тамерлана он говорил: «Бояться железного хромца было незазорно». Почему? Первое и самое главное: Чингисхан создал Ясу, по которой ясак (дань) платить, конечно, побежденный был должен, но за убийство доверившегося карался смертью как чужой, так и свой. Когда на смену Ясы пришла барымта, монголы уже не были народом-войском. Яса и монголы Золотой орды не навязывали свою религию никому: христианин ты или язычник – это их не касалось. Религия бон была терпимой к иным вероисповеданиям, и у монголов жены часто исповедовали христианство несторианского толка. У Руси времен Батые с монголами был военный союз. Именно монголы во времена Александра Невского участвовали в Ледовом побоище и помогли побить псов-рыцарей на Ладожском озере.

Перед этим русские купцы, желавшие свободной торговли с Ганзой, хотели убить монгольских послов, но Александр Невский, зная закон Ясы, жестоко расправился с провокаторами и сам проводил послов до границы своих владений.

Гумилев очистил и облик Чингисхана, грубо искаженный современниками и позднейшими историческими и антиисторическими писателями. При этом Лев Николаевич, не впадая в апологетическое восхваление «питомца чистейших вод Онона», сказал о нем беспристрастную правду.

Другое дело – Тимур. Это был человек изначально исламской ориентации. Свою религию насаждал под угрозой смерти, и, главное, он возглавлял не народ-войско, а армию наемников, целью которых было обогащение. Его профессиональное, вышколенное войско оставляло после себя разруху и горы трупов ни в чем не повинных людей.

Давая свое представление об известных личностях, он привлекал историю всех времен и народов, доказывая верность своих взглядов. Но Гумилев изучал историю не только по книгам, с теоретических позиций – по собственной воле он занимался раскопками на Пазырыкском кургане, в зрелом возрасте на дне Каспия искал и нашел Хазарию, а космосом, особенно ближним – биосферой, интересовался с самых юных лет. Это были путешествия, необходимые душе. Здесь он продолжал

Пржевальского, Валиханова, Потанина... Он был археологом, историком. Он был исследователем.

– Гумилев ввел в историю понятие «этнос», создав, по сути, новую науку – этнологию. С позиции своей теории этногенеза, используя опять-таки собственное понятие пассионарности, он пытался объяснить закономерности исторических процессов. В чем здесь отличие от ранее принятых научных подходов?

– По Гумилеву, этнос – не раса. В то же время шесть расовых типов положили начало бесчисленному количеству этносов, а этносы – это сообщества, составляющие человечество. До последнего времени в науке по большей части применялся термин «нация». Однако Гумилев считает этот термин социально-экономической характеристикой, оставляющей в стороне этнические параметры. Этнос – это форма существования того или иного вида, причем, как отмечал Гумилев, «монорасовых этносов не знаю ни одного». Все человеческое сообщество, именовавшееся ранее антропосферой, он назвал этносферой.

По Гумилеву, этносы, как и все на свете, рождаются и умирают, это неизбежно. «Но кто сказал, – писал Гумилев, – что этот процесс непременно проходит в кровавом месиве со стремительностью сорвавшейся с Гималаев лавины или террористического взрыва в центре огромного современного города?». Наоборот, именно цивилизации, обретая высокую технологическую оснащенность, могут погасить негатив, чтобы отжившие этносы покидали сцену истории не в качестве бездыханных тел, а почетными ветеранами, чьи заслуги не будут забыты.

– Действительно, Гумилев был не только поборником мирного сосуществования этносов, ему была органически чужда сама идея превосходства одного этноса над другим.

– Поэтому он неоднократно писал, что любая попытка решить свои проблемы за чужой счет, когда один этнос рассматривает другой как подсобный материал, как неполноценный полупродукт, недооценивая своей и чужой этнокультурных фаз, неизбежно оборачивается против самого хитроумного вершителя чужих судеб. Задумавшись над генеральным постулатом монгольского свода законов Ясы, провозгласившим этнический приоритет «титульной нации», стратеги всех мастей, скорее всего, не стали бы столь рьяно проводить в жизнь принципы: «Deutschland uber alles», «Pax Americana», или «Бей жидов –

спасай Россию», «Украина – для украинцев», а «Эстония для эстонцев»; в конечном счете это ведь все одно и то же.

Лев Николаевич с горечью и болью наблюдал, как полуграмотные, невежественные правители, «не разжевав даже азбуки соль» – азбуки истории и этнологии – вершили судьбы народов, за что миллионы людей по неразумной воле политиков расплачивались кровью.

Он считал, что перед современным человечеством «со всей остротой встают два вопроса: найти общий язык между народами и государствами и общий язык с природой». Не решить или отложить – означает гибель. Она может быть или мгновенной – ядерной, ее репетиция – взрывы Хиросимы и Нагасаки, когда в одно мгновение погибло несколько сот тысяч человек, или медленной и мучительной, но неизбежной.

При этом Лев Николаевич напоминал слова первооткрывателя биосферы и ноосферы Владимира Ивановича Вернадского о том, что требуется «государственное объединение усилий всего человечества». Знающий все и вся о том, как жило человечество на протяжении тысячелетий, он не склонен был обманывать читателя сладкими сказками, утверждая, что на выбор остались только два варианта: или ноосфера – пространство разума, или некросфера – пространство смерти.

Всю жизнь Гумилев обнимал мыслью огромные пространства. Его книги стали отчетными записями, словно он сам шагал в когортах Александра Македонского, преследовал немецких рыцарей в белых плащах с черными крестами, корпел писцом над «Сокровенным сказанием». Всем своим существом Лев Николаевич противостоял сталинскому порядку, превратившего родину историка в «сатанинскую страну». Какое счастье, что Гумилеву хватило сил закончить начатое, на все его хватило и «не потому...», а «вопреки»... Он прожил почти гетевский век и оставил миру завещание – руководство к верному земному устройству.

– Лев Гумилев был поистине ренессансным человеком, глубина и широта его познаний поражают. Можем ли мы говорить, что его наследие – это уже открытая книга, или в ней есть еще непрочитанные страницы?

– Конечно, изучение трудов Гумилева очень продвинулось за последние 20 лет. Открытие в нашей столице Евразийского университета имени Гумилева этому способствовало. Это был прорыв. Но итоги еще не подведены. Трудолюбивые и любопытные уже многое знают о

поставленных Гумилевым проблемах. И все-таки этого недостаточно. Гумилев был уникальным историком. Точку ставить рано. Слово «евразиец» по отношению к себе Лев Николаевич произнес за полтора года до смерти, хотя именно Евразии он посвятил всю свою жизнь, дружил с евразийцами.

В этом плане Лев Николаевич мог бы повторить слова великого Исаака Ньютона, который говорил, что сумел заглянуть так далеко, потому что стоял на плечах гигантов. Такими гигантами-предшественниками для Гумилева были, прежде всего, ученые-евразийцы, имена которых уже прозвучали: Савицкий, Вернадский и Трубецкой. Очень хорошо знавшие многовековую историю России, у них не оставалось никаких сомнений, что сама география объясняет и призывает к объединению этносов. Это была генеральная доминанта разветвленной евразийской концепции, поддержанная и заново обоснованная Гумилевым. Так что заслуги евразийцев и «последнего евразийца», как назвал себя Лев Николаевич Гумилев, еще не оценены по достоинству. И непрочитанных страниц много, но этот процесс уже запущен в нашей стране.

– И тем не менее можно ли утверждать, что мир вступает в эпоху Гумилева, теория евразийства которого обретает сейчас реальные черты, причем не без участия Первого Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева. Если да, то как бы вы определили эпоху Гумилева?

– Думаю, что сейчас самое благоприятное время для изучения и понимания заслуг Льва Николаевича Гумилева. Книги его выходят, идеи в нашей стране воплощаются в жизнь, а Евразийский экономический союз – уникальное объединение – существует и успешно работает, в его ряды вступают новые участники. Но сколько бы мы ни говорили об эпохе Гумилева, поставить точку здесь никак не удастся. Когда я смотрю по телевидению аналитические программы, где звучат термины ученого – пассионарный толчок, этногенез, эпоха обскурации, субпассионарии, – мне кажется, что политологи, филологи, журналисты и писатели относятся к этому как к гуманитарной науке, в то время как это наука точная, основанная на законах природы.

Например, по Гумилеву, через 180–200 скрытых лет после пассионарного взрыва, происшедшего по законам биосферы, этнос, уже возникший, развивается, но еще не проявляется. Должно пройти еще 200 лет, пока особи общества, осознав свою идентичность, «всецело поголовно» вступают в акматическую фазу, самую продуктивную для его развития, – это не накопление имущества, напротив, это фаза жертвенного поведения и героических поступков не за материальную

выгоду, а за независимость и самоопределение. В начале этого периода население представляет собой народ-войско, к концу – и это самая высокая стадия развития этноса – жертвенное поведение. Самая короткая фаза – надлома – межэтнические схватки, революции, заговоры. Короткая фаза, но ее надо пережить. Далее – инерционная фаза накопления духовных ценностей и расцвета искусств, что Гумилев назвал золотой осенью на 300 лет.

Он полагал, что наше евразийское пространство находится в начале золотой 300-летней осени. Однако в 1991 году, когда Борис Ельцин держал речь, взобравшись на танк, Гумилев сказал: «Узнаю тебя, эпоха заурядности. Что-то очень рано». Такой эпохи в его раскладе не было...

А весь цикл изменения пассионарного напряжения этнической системы составляет 1500 лет. Из всех этносов при изучении истории человечества Лев Николаевич нашел один, классически прошедший все стадии и погибший в 1453 году, – византийский. Но экологическая ниша никогда не будет пустовать, и на месте Византии утвердилась Турция.

ПОВЕРИТЬ АЛГЕБРОЙ ГАРМОНИЮ

– Безусловно, Гумилев во всем был неординарной личностью. Думаю, он вошел бы в историю уже самим фактом своего рождения, будучи сыном двух поистине гениальных людей. Кстати сказать, Анна Андреевна Ахматова, во многом предопределившая поэзию Серебряного века, как-то заметила, что само понятие «серебряный век» было введено ее сыном.

– После золотого века русской поэзии логично было следующий назвать серебряным – близко лежало. И Лев Николаевич предложил назвать XX век серебряным. Ахматова дала ему денег на «чекушку» и увековечила это название в своей величественной «Поэме без героя»:

На Галерной чернела арка,

В Летнем тонко пела флюгарка,

И серебряный месяц ярко

Над серебряным веком стыл.

В 1943 году, когда эта поэма дописывалась в Ташкенте, Лев Гумилев был в Норильском лагере, но это не мешало сохранять высокий строй мыслей и великий поэтический дар.

– А сам Гумилев писал стихи, или поэзия, которую он, конечно же, не только прекрасно знал, но и чувствовал, прошла в его биографии по касательной?

– Он находился внутри этой проблемы как читатель. В одном интервью Лев Николаевич сказал, что оппоненты, чтобы оспорить какой-либо постулат в его текстах, называют его «поэт». Это оружие он сам дал им в руки: писал стихи, переводил восточных поэтов без подстрочников, но хорошо понимал, что Николай Гумилев и Анна Ахматова – вот поэты, создавшие школу акмеизма. И в честь своих родителей назвал высшую стадию развития этноса – акматической. Это было признание заслуг и установление дистанции между собой и великими поэтами.

Он умел сочинять стихи, иногда переводил для заработка, но на экзамене по всеобщей истории, испросив разрешение ответить стихами, прочел на память Заболоцкого и Пастернака и получил отличную отметку за точность ответа. То есть он знал поэзию досконально и любил ее бескорыстно. Есть такая особенность у всех евразийцев: они не изолируются от поэтических текстов. Для всякого евразийца непререкаемым авторитетом был поэт Алексей Степанович Хомяков – богослов, врач, историк мировой цивилизации, живописец. Им казалось, это так естественно – писать стихи...

– И тем не менее, отдавая должное таланту матери-поэтессы, сам Лев Николаевич, как это ни парадоксально, в ее глазах выглядел неудачником.

– Знаете, я иногда думаю, что им до поры до времени лучше было бы вообще не смотреть друг на друга до полного осознания, кто есть кто. Но до таких теоретических обобщений человек дойти не может или не должен, по крайней мере в применении к своей собственной жизни. Он обязательно ошибется.

Что же касается отношений между матерью и сыном, то они действительно были непростыми, а за пять лет до смерти Анны Андреевны вообще произошел разрыв. Они ссорились, сводили счеты, припоминали давние обиды. Но при этом они любили друг друга, если можно так сказать, требовательной любовью. Лев любил мать, ревновал к стихам, мужьям (за отца), к друзьям, к ее жизни нищей королевы на глазах у равнодушной, но не бескорыстной публики. Представьте, ему было всего 12 лет, когда он просил: «Мама, не королевствуй!».

Позже Льва Николаевича обижала некая, как ему казалось, рассчитанная на потомков, «литературность» материнских писем. А когда Лев

Николаевич защитил докторскую диссертацию и имел хоть маленький (семьдесят два рубля в месяц), но стабильный заработок, «доброжелатели» довели до его сведения слова Ахматовой: «Я скептически отношусь к изысканиям Левы в области истории». Интересно, что когда Льва арестовали во второй раз, она сказала: «Власти изводят цвет исторической науки».

В то же время известна ее небрежно брошенная фраза: «Слышала, что Лев защитил докторскую». Лучше спросить, кто об этом не слышал, но очень многие бойкотировали это событие, включая Ахматову. Мало кому было дано разгадать, особенно в более ранние годы, в молодом угловатом парне, разнокалиберно одетом и не имевшем постоянного пристанища, великого историка, наследника выдающихся философов XX века.

И даже на исходе дней Ахматову терзал «страшный призрак нелюбви». А Лев Николаевич безутешно рыдал на кладбище. Через год на свои скромные средства он поставил матери памятник, очень достойный и с глубоким содержанием.

– Гумилев не только в человеческом отношении, но и талантом оказался достойным сыном своих родителей.

– Я вам больше скажу. Конечно, Лев Николаевич понимал «калибр» отца и матери, он сумел не только превозмочь предназначенное ему судьбой, в том числе и каторжно-лагерную ответственность за безвинно расстрелянного отца и оклеветанную мать, но и в высокой степени превзошел созданное его родителями. И мне кажется, что на самом деле между этими тремя – Анной Ахматовой, Николаем Гумилевым и их сыном – по самому строгому небесному счету всегда была идиллия взаимопонимания.

– Татьяна Леонидовна, не могу не вспомнить еще об одной странице в биографии Гумилева: кроме ада лагерей он прошел еще и через огонь Великой Отечественной войны и не мог не оставить свидетельств об этих событиях.

– Когда началась Великая Отечественная война, Лев Николаевич томился в Норильском лагере, он даже не мог получить точной информации о происходящем. И был глубоко оскорблен тем, что его – сына Николая Гумилева – отлучили от судьбоносных событий родной страны. Он был патриотом, и в этом плане отец для него был неотразимым примером.

Как-то в одной телевизионной передаче ведущий попросил у Льва Николаевича ответить на вопрос как ученого, интеллигента, на что престарелый Лев Гумилев ответил: «Я не интеллигент, я солдат». Он дословно воспроизвел слова своего отца, он не мог их помнить, так как отца расстреляли, когда Лев был еще ребенком, но сохранил в памяти пересказанное ему матерью. Когда в начале 1915 года Николай Степанович, участвовавший в Первой мировой войне, приехал в Петроград в короткий отпуск, тыловые коллеги и поклонники носили его на руках, прославляя как истинного интеллигента и героя. Вот это ощущение себя солдатом Лев Гумилев пронес через всю жизнь.

– Но попал он на фронт, насколько я помню, уже в последние годы войны.

– Да, хотя Гумилев, как и многие в то время, стремился на фронт, но ему отказывали, и каторга продолжалась. К тому времени за плечами Льва Николаевича была богатая лагерная биография. Он попал в Норильск через Красноярский пересыльный пункт; дальше – Енисей, железнодорожная станция Дудинка и – Норильский лагерь.

Карьеру примерного лагерника Лев Николаевич начинал землекопом, продолжал шахтером – добывал медную руду – и геотехником. В марте 1943 года, когда кончился пятилетний срок отсидки, Гумилев с Севером не расстался, дал подписку никуда не выезжать... Работал в магнитометрической экспедиции Норильского комбината. За то, что экспедиция обнаружила на Нижней Тунгуске промышленное месторождение железной руды, Льва Николаевича премировали недельной поездкой в Туруханск. И там он, придя в городской военкомат, добился, чтобы его отправили на фронт.

Гумилев служил в артиллерии. Тогда над фронтовыми дорогами гремела лихая, разудалая песня в исполнении Леонида Утесова: «Брянская улица на Запад нас ведет...». И каждый солдат от рядового до маршала знал: дойдем до Берлина! В те же годы в тыловом Ташкенте Анна Ахматова пишет «Поэму без героя», изредка читает самым близким, самым доверенным людям заведомо опальный «Реквием». В одном письме товарищу Левы она недоумевает: «Зачем Лев пошел на фронт?».

Затем и пошел, что был солдат и сын солдата, и ко всему в своей жизни относился с подобающей ответственностью и дисциплиной, как истинный патриот и воин своей земли. Участвовал во взятии Берлина. Когда закончилась война, он писал: «...я участвовал в трех наступлениях:

а) освободил Зап. Польшу; б) завоевал Померию; в) взял Берлин, вернее, его окрестности».

Так Лев Николаевич стал обладателем единственной государственной награды – медали «За взятие Берлина». Весьма символически. Окоротил все-таки завоевателя русский воин: «наша пассионарность оказалась выше немецкой».

– Лев Гумилев навсегда останется в истории русской и мировой науки. Мало кто из прочитавших его книги станет сомневаться в истинности главного завета этого великого человека – судьбы мира в XXI веке решаются на евразийском пространстве.

– Когда-то Петр Николаевич Савицкий писал своему последователю Льву Гумилеву: «Мужайтесь, друг!», благословляя тем самым на поиски истины в истории и человеке. И действительно, путь к истине, заключенной в книгах Гумилева, не назовешь легким и комфортным. Без мужества, без воли и терпения не обретишь подлинного необходимого знания. А сегодня без высокого пророческого наследия Гумилева не обойтись ни человеку, ни государству, ни всей мировой цивилизации.